
Елена Сомова
МАКРОАНТРОПОС
сатирические
антиутопии
11/2026

Елена Сомова

МАКРОАНТРОПОС

https://litres.ru/74718498
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга сатирических рассказов Елены Сомовой «Макроантропос» задумана автором как взрыв эмоций для положительной энергии. Человек в современном обществе вынужден держаться в рамках приличия, но игровая система жизни выводит понятия за эти рамки, тогда возникают образы людей в обличье животных, а их привычки подобны клоунаде. Выбрать себя в галерее шутовских зверушек или оставаться человеком – задача непростая, которую человек в жизни решает самостоятельно.

Елена Сомова
МАКРОАНТРОПОС

Елена Сомова Западня морали книга сатирических рассказов

Книга сатирических рассказов Елены Сомовой «Западня морали» задумана автором как взрыв эмоций для положительной энергии. Человек в современном обществе вынужден держаться в рамках приличия, но игровая система жизни выводит понятия за эти рамки, тогда возникают образы людей в обличье животных, а их привычки подобны клоунаде. Выбрать себя в галерее шутовских зверушек или оставаться человеком – задача непростая, которую человек в жизни решает самостоятельно.

Культура и мораль капуцинов, сатирическое антиутопическое эссе

Когда тонкость линий пейзажа стала неинтересна ценителям винтажной траектории бабочек в полете, а дух творчества незаметно оказался заменен духом пищи,

когда властителям предела стало сподручнее протянуть свое влияние от мансарды собственной виллы до трезвых умов ночных статуй в летних садах неопрятных представителей олигархического феодализма, попросту,

буржуев под прикрытием безграмотности, то читающие

человеческие книги бабочки выбрали своим аэродромом сердца оставшихся поэтов, преданных стихии ветров и морей, а люди перешли к зверям добровольно, выбрав их доброту и щедрость взамен тупости обывательского мира.

К статусу культурного события капуцины обычно, доверяя доисторическим культурам бизонов, ограничивались хорошеньким расплеввыванием цветочков по кустам и развинчиванием гаек столов, после чего столы падали и было весело наблюдать, как пируют представители гавнмента.

Высшим писком проявления культуры капуцинов стало как следует подпитывать соседей вожделенными ароматами готовящейся пищи, получше распахнув окна и орать «Как вкусно!», чтобы все чувствовали и завидовали.

Основным чувством культуры стала зависть, и чем она была чернее, тем выше статус владельца ее выражения и трансформации в мультикультурные объекты.

Под окнами выли собаки, визжали кошки и плакали дети людей и сами люди, когда капуцины обедали, пригласив павианов на День повиновения законам природы.

— Как бы ни пыжились люди, всегда на Земле важнее животные! – сказал первый тост почти свадебный тамада, так как День повиновения законам природы совпадал с Днем свадеб всех животных мира, и согласно культурным традициям капуцинов, отмечался широко и весело.

Пухли от жира тушканчики и крокодилы, худели народ-

ные любимцы эпохи неолита, обнаруживая в подвздошной полости острые многогранники ребер, и выжигались клейма призваний на случайно поскользнувшихся или ошибшихся в тупике парадигматических искадрилей гадюк и кобр ползущих рядом с кобрами и гадюками быстролежащими сухими ветками обломов циферблатных мучителей, устаревших на обочинах цивилизации.

Люди плакали от голода, глотая слюнки и питаясь парами, исходящими как письма, от яств капуцинов на их столах.

Самым дешевым способом избавиться от страданий было устроить революцию. Самым богатым – усесться под окнами

капуцинов и выть песню голодных людей в момент поглощения пищи капуцинами и павианами с традиционным культурным

чавканием под аккорды оперы Пингвинни «Прими мою последнюю горбушку» в исполнении жруна Трескони. И безоружные, но упитанные мужики с дудками пускали слюни в железные отверстия инструментов культурных инсинуаций и высоких порывов, на клочки рвущих трепет у стенок уже не школьных прививочников.

Люди терпели, как на высшем пилотаже их завываний по простой и здоровой пище сыпались на столы капуцинов яства с их бывших в иных дополитических параллелях праздностей людей, а не животных.

Активно бурлили желудки и празднующих, и голодных, и

межгалактических объектов с дудками.

Для животных ученые люди разрабатывали систему здорового питания и борьбы с ожирением. Люди входили в пищевую цепочку животных, поэтому их кормили исключительно обещаниями, сваренными в парах от кипящих праздничной пищей кастрюль капуцинов.

Развивалась цивилизация сенсорного голода.

Господствующей системой взглядов стал имбецилический клопоцентризм как форма выражения политической близорукости противника, заворачивающего на крутом повороте в пропасть на лётных учениях по системе Чкалова, приправленной временем. Всё все всегда сваливают на время: это удобно, знать, что есть виноватое во всем время.

Гасли факелы очарований, возгорались газовые колонки как факты надувательства и без того нищего народа, перевешивались столбы над безднами и фонари под матрацами ползли по пластунски, служа маяками в клопоцентрических гонках по ночной дружеской горизонтали с полукружностями и иными геометрическими квинтэссенциями скелетных башен зачарованных замков.

Пропасти кишели новейшим старьем в клопиных точках нравов и морали на наикультурных субъектах, едва выползших из—за стола – и сразу на корабль с балом – изображать черного блюющего в бассейн павиана.

Гремят литавры, пищат валторны, перебирают леса и

тундры по веткам клещевые захваты насекомых, пряча под камушками змиенышей и змиек с оптическими прицелами кобр как очковых, так и безочковых, но с хорошими очешниками для реббитов безморковных. Морковь объявили символом красоты, и за нею в очередь встали с зимы все красавицы для разглаживания морщин.

А богатые зайки вяжут веники ушами, тренируясь в прядении для создания коврика в виде географических карт мира с указанием оранжевыми треугольниками места, где морковь стала лучшим бартерным продуктом, за 100 килограммов моркови с экологически чистого колхозного поля, на котором в День Ивана Купалы вся деревня искала папоротник, давали три Mitsubishi Pajero и одну объезженную Toyota после гонок, как после бала.

Процветает мультура. Цветет магнолия. Выцветает третий глаз как мистическая концепция невидимого органа восприятия. Слепнет прозрение. Гаснет ясновидение. Тухнет свежесть мироощущения. Пришла осень олигарха напугать зиму сантаклаусов и выпороть море с русалками и сиренами за то, что выпили океан и осушили болота расцветом кувшинообразных водяных с дуримарами и мародерами, убегающими от узи в рассмотрении у них красивых микробов и весьма привлекательных вирусологов рядом с ними.

Культурные вирусы прячут тела под утесами, ожидая ледоход.

Некультурные вирусы сразу улетают без ожиданий «к сле-

дующему» на звездолете.

Мультикультурные амебы гребут веслами, двигаясь от памятников к истребителям, уплывая на самоходной картонке из детства с горы и курясь Казбеком.

Лыжные причалы на приэльбрусье, как одичалые пляжи в курортных ноябрях пестрят рекламами, как двигательные крылья водоплавающих птиц и летающих рыб, а летят все к капуцинам за милостью стать сотрудниками и соратниками доблестных капуцинов в борьбе за уставших людей, просящих у капуцинов подаяния.

А начиналось все идеально гладко: в восторге и обожании взирая на монументы несметной славы, баснописцы отдали приоритет анекдотчикам, и те расстреляли юмором сарказмиков с трагическими ухмылками взирающих на пиршественные столы работящих челюстями капуцинов.

Бежало стадо крашенных бизонов, и чем дальше оно бежало, тем больше оставалось пути, — траектория стада заранее не строилась, она ложилась под ноги новой возможностью избежать самого страшного в жизни, чего опасались не только бизоны, но и капуцины, бегущие вслед за бизонами. Краску с бизонов смывали потоки пота, но остановиться не было сил, так они увлечены были преодолением пути, что их ноги не отмеряли километров, а тупо двигали мощные туловища к невидимому пределу.

Зачем было им красить свои морды, не понятно было даже им самим, но казалось, что так лучше сфокусировать зрение на себе и не остаться без внимания, чтобы Фортуна не прошла мимо, и любовь будоражила воображение и сны.

А зачем бизонам любовь, они и сами давно позабыли, в сумрачном беге продолжая свой путь. И вот, повалился один крашенный бизон, затем другой, и так друг за другом падали бизоны наземь, уступая дорогу капуцинам, — эти в пути даже успевали как—то размножаться, будто захватили в путь копировальную технику, и остановки спасали их от переутомления.

Весь тупиковый путь был пройден, оставался небольшой подъем и далее — горка, с которой легко было бы скатиться, если бы не стадо разлегшихся бизонов, подкрашивающих каждый свои ресницы, щеки и губы, увлажненную кожу морд и копны волос на загривке.

— Каждый цивилизованный бизон строит свою невидимую крепость вокруг своего стада! — прохрипел отважный вождь бизонов, знающий в жизни толк.

Стадо решило строить. Но на чем строить, если повсюду лежат и красятся братья—сестры бизоны?! И ничем не утихомирить их малярных свойств.

Позиция бизонихи Лаванды оказалась радикальна: напротив ее морды располагался спящий бизон Вайолетт. Эти двое

давно очаровали стадо своими полутеатральными разборками на почве ревности. Лаванда вышла замуж за Вайолетта, еще когда стадо бежало напротив Лас—Вегаса, а теперь несходство привычек и уровня жизни выдавало в Лаванде принцессу, а Вайолетт, получается, не годился ей даже в качестве коврика. Лаванда спала в леопардовой шкуре, обмахивали ее во время сна рабы: три кабаненка — это были дети капуцинов в кабаньих шкурах. Велики оказались шкуры капуцинам, но «взялся за гуж, не говори, что не дюж»: держались в ливреях согласно статусу. Вокруг порхали попугаи, и вентиляторы их крыльев давали нежный бриз.

— Пролетим еще пятнадцать раз, пока принцесса отдыхает, и отдохнем, — сказала попугаиха Чара своим друзьям. — Надо беречь крылья, а то вылиняют.

Лаванда громко всхрапывала от болтовни попугаев. Чуткий сон говорил о нервном расстройстве, вызванном длительным бегом стада теоретически вокруг столба с ночевкой.

Когда луна оказалась всевидящим оком, бизоны пустились в бег, независимо от проснувшихся или еще нет, собратьев. Некоторые бежали во сне, настырно топая уверенными копытами.

Сквозь сон Лаванда слышала храпение собратьев, и даже Вайолетт на этот раз решил присоединиться к всеобщей блажи разработки мышц в беге по кругу, репетируя приближающиеся съемки фильма о наших верных помощниках, накры-

вающих крышу оранжевым шифером.

Лаванда резко всхрапнула, и сон улетел белкой—летягой меж пяти сосен, сросшихся в единое ветвистое дерево Санта Клауса, к которому Санта привязывал на ночь оленей, чтоб не потерялись и не заблудились меж кабанов.

Встав на ноги, Лаванда обнаружила обручальное кольцо на правом переднем копыте. Эти краеугольные камни на кольце, по мнению принцессы, говорили о вечной любви к ней Вайолетта. Лаванда была на пределе: она выглядела незнакомкой в крашеных мехах: Вайолетт постарался, извел всю сиреневую краску на ее шкуру. Да еще индийские мантры по спине, их разводы гармонично ложились по ландшафтным выпуклостям спины бизонихи. Лаванда не выдержала любовной сцены ревности Вайолетта, и принялась активно сдирать кольцо с копыта, выразив тем самым свою размолвку с полосатой мордой кавалера, не относящегося к царской знати. Родительским бизнесом семьи Вайолетта была продажа ливрей, вееров, краски из сока африканских деревьев, подготовка тренеров по бегу вокруг столба с ночевкой и организация ночевки.

Бизоны в целом, были, хотя и давно, людьми, но переродились из—за грубого отношения к ним властей: жили без отдыха, только труд скрашивал их шкуры в один качественный цвет.

Иногда Вайолетт пользовался добротой Лаванды и просил ее:

— Покинь башню из слоновой кости и иди работать с нами, бегай вокруг столба, ночуй с нами, как мы, иначе люди подумают, что ты не с нами, и не относишься к нам, бизонам, вовсе.

Лаванда романтично скосив глазки в сторону моря, грозилась Вайолетту смыть краску со шкуры и пуститься по морю вплавь в путешествие вокруг света на подопытных собаках Павлова вдоль горящих ночных буйков.

По—Станиславскому, Лаванда входила в образ целиком, и не отличить ее было не наметанным глазом, даму в мехах, от простой услужливой бизонихи Лаванды, любимой женщины Вайолетта.

Новой религией для интеллектуалов стала забота о детях. Детей у пары не было.

Лаванда водила в детский зооцентр «Талант быть человеком» детей капуцинов, прививая им манеры благовоспитанных существ.

Нужно было отучиться вешать на лавочку для прогулок стариков—бизонов жвачку и клеевые комки, не выпрашивать и не отнимать конфеты, не отнимать у пожилых кабанов ключи от квартиры с целью помочь убраться в жилище, а на самом деле продать квартиру риелторам, а деньги пустить на развлечения. Старикам же повесить полдничную лапшу с клубникой на уши и завязать бантиком длинно свисающие

кончики, чтоб им не запнуться в танце.

— Они так любят этот аттракцион! — счастливо пропела Веселинка, дочь капуцина, своим дружественно настроенным товарищам.

Весело было детям капуцинов ходить вместе с Лавандой в детский зооцентр «Талант быть человеком», лучше, чем бегать за ней вокруг столба с ночевкой, когда родичи уехали на два дня за город на турбазу с аквапарком, а когда вернутся, получат миллион и братика в подарок.

Счастливый месяц каникул начался. Проверили у всех стариков знания таблицы умножения букв алфавита русского на английский, вынули из макулатуры таблицы Брадиса, погоняли по ним особо умных, дающих ценные советы, как вкуснее жвачку жевать, сложили платки уголком и научили стариков сморкаться без утробных звуков и сочинять побольше претензий на уборщиков—лентяев. И подучили с ними мораль Гиппократа на случай комиссии из зоо—роно. И пошла жизнь своим чередом, но каникулы кончились, а стариков смыло дождями с лавочек, но они пришли к детям в школу подсказывать на контрольных. Вот радости было! Весь класс оказался украшен воздушными шарами и бабочками из фольги! Старикам было зябко, и добрые дети капуцинов подарили им кабаньи шкуры, которые служили им

ливреями для демонстраций за право помахать веером на принцессу бизонов Лаванду.

Давно уже никто не носил кабаньи шкуры, но старики—трудоголики об этом не знали и устроили урок литературы в шкурах с инсценировкой пьесы «Горе от ума», а после — урок математики с выходом в магазин за тортами, мороженым, шоколадом и лимонадом с мармеладом и пастилой. Это был самый веселый день в жизни детей капуцинов.

За этим днем пришла зима, запуржило в окна пухом непонятных экзотических деревьв. Родичи, запущенные в космос, чтобы не мешались детям, заранее приготовили лыжи и санки. Директора школы маленькие капуцины отправили в большой ракете на самую далекую звезду, так что и правнуки успеют школу закончить, пока ракета вернется. И запели «Во поле березонька стояла», встав в углы за плохое поведение.

Мимо школы бежало стадо бизонов.

Детство Лаванды, рассказ-антиутопия

В раннем детстве Лаванда была не такой прыткой бизонихой, какой стала в юности, но генетические наклонности королевской знати присутствовали в ней с пеленок. В два года она уже умела многое: аккуратно кушать ложечкой пирожное с творожным кремом, не облизывая ложку в конце действа, выбирать жениха, отказывая всем подряд без разбора на кнуты и пряники. Учить грязнуль мыть руки, то есть, копыта, не брызгая по всей округе и не крича «как здорово!», «приходите ко мне с полотенцем!» у

Лаванды получалось ловко и умело, как многое другое. Если учесть, что бизоны живут от 15 до 25 лет, и самки живут дольше самцов из-за их жестоких брачных состязаний в открытой природе, то помолвка Лаванды с Вайолеттом оказалась очень кстати. В то время погиб в муках ее принц, величественный бизон Атос, звезда итальянского цирка, и Лаванде неприлично было придаваться горю, когда вокруг столько женихов стоят в очереди на обучение у Лаванды прекрасным манерам в королевском зверинце. У стадных животных преобладает матриархат, и Лаванда нашла особое удовольствие в знакомствах с новыми кабанами царских кровей и обучению их поросят разным светским премудростям.

Так, в итальянском цирке, который оказался менее популярным, чем российский по числу зрителей красного сектора, всегда устраивались бальные пиршества бизонов во главе с Лавандой, любимицей отряда секачей с огромными головами и клыками,

которыми невежи-охотники торговали на рынке как ходовым товаром. Но представьте, как было не по себе бизонам, когда любитель-охотник, придя в цирк, орал, только распахнутся тяжелые цирковые шторы в поту и крови: «О, это прародич моего анималистического панно! Браво! Я куплю твою голову в следующем брачном сезоне, когда ты будешь подыхать в крови, и раны будут смертельными! Браво!

Мне сделают стилизованные рога и декоративную вешалку!» Но пока громила-орангутанг в

качестве интерьера прямо в своем секторе держал престарелую леди для поднятия духа, потому как он мог проиграть в казино больше, чем приносил ему концерн по изготовлению декора.

Маленькая Лаванда скакала вдоль барьера, когда на сцену выходили друг за другом самцы бизонов на свой законный ринг по завоеванию ее правого копыта и сердца. Левое копыто по рождении было отдано Вайолетty, и кольцо Лаванды, которое она упорно стремилась снять с копыта во время ссоры и гонок вокруг столба с ночевкой, было надето именно в младенчестве, поэтому и не снялось. Вайолетт оказался ее вечным принцем, он на дуэли за ее честь сбил копыта, стреляя в повешенного импресарио, за чью голову охотились борцы за славу и поп-корн в антракте грязными руками.

Итак, 60 километров в час бизоны бежали по саванне, думая что бегут по кругу, так как их вожаку в битве выбили глаз одним левым копытом, это постарался массивный Рвач из Йеллоустоунпарка, чей исполинский устрашающий вид даже вселял ужас, но в реальности Рвач был добрым внутри, там, где стоял шприц с прививкой от бешенства, приклеенный лейкопластырем.

Все хотели жить в свободной природе, и подольше, но жизнь исполинских животных в неволе длится до сорока лет, и всё же, бизоны предпочитают естественный здоровый бег,

нежели лежание в вольере, что почти постыдно, хотя Мишель Уэльбек оказался в чем-то прав, написав:

«Четыре девочки в соку
Сверкали в сквере голой грудью.
Их наставлять на добрый путь я
Не стал – куда мне, срамнику,

Норвежские, должно быть, штучки –
В Латинском их полно сейчас.
Их груди радовали глаз…»
(Michel Houellebecq)

Там главный хищник – повар без рогов, если жена ему не успела накрутить, – и с кем состязаться? Инженеры экосистем не придумали. Но они твердо знали, что миграции бизонов доказали в Йеллоустонском национальном парке, что передвижения естественным образом удобряют почву, повышая питательную ценность лугов для многих видов бизонов, у которых снег не тает в

30-ти градусный мороз, сохраняя тепло организму бизона. Ценные адаптивные свойства бизонов обеспечивают благодать Лаванде, ибо она счастлива, когда зимой в условиях уникальной термоизоляции шерсти Вайолетт выполняет ради нее прыжок полутораметровой высоты и ему хлопают ушами все оскаленные породы мелового периода.

Вайолетт столько раз слышал «брависсимо!» в адрес

несметного числа выходов на ринг ради благосклонного взгляда на его сущность Лаванды что арпеджио аплодисментов сточили до основания копыта стада. Травматологи не успевали оттаскивать хирургов и травматологов от их потенциальных пациентов. Капельницы и шприцы торчали наготове, воткнутые прямо с лекарством в резиновые грелки с целью сохранения стерильности при высокой скорости введения.

И над всем этим бардаком прошелестела крыльями муза. И упали перед ней на все четыре колена спящие от переутомления на работе зрители. Над усердно склоненными головами пела муза, перебирая струны арфы, а головы готовы были стать декором интерьеров, нежели возвращаться по кругу обратно, в ад отбойных молотов и наковален. Литавры объявили контрданс, и дамы света кабанов вышли, шурша парчовыми юбками на королевскую сцену, – почти арену.

В весьма различимом аромате иланг–иланга челленджеры в формате самоорганизации устроили марафон пожертвований в

пользу стад бизонов мира. Вагоны и телеги, груженые золотом и пряностями востока отбывали в колымские степи для утепления яранг. Обнаружено было новое свойство золота: высокую теплосохранность на длительное время. Мир сиял в свете добра и справедливости, когда Лаванда озаряла светом тепла и благодушия заросли чиновников высшего звена, скрипящих перьями ангелов. Ободрали. С прибытием

в зал ангела для возврата перьев из крыл, овации перешли порог ощутимых сфер, и аэропорт имени Куклачева запестрел билетами на аэрорейс всего стада бизоноff, отбывающих в свои законные пенаты.

Антракт.

Буфет.

Фруктовые низкокалорийные пирожные с ананасами и шипучкой.

Из-под широкого подноса выползает гремучая змийка и просит на завтрак туриста, опасливо поглядывая на шляпу клоуна, в которой она отравилась несвежим зайцем под шоколадным сиропом.

Змийка крутит хула-хупы по всему своему мускулистому телу с шелковой подкладкой, с которой соскальзывают капсулы найз, питая цельной и здоровой пищей славу шапито. Обезболивающее – всегда ценная пища в цирке. Мир возвращается в привычное состояние борьбы за кусок хлеба.

Ценности зрители сложили 10-метровой горкой и отнесли поднос в клетку с царем зверей.

Бизоны заискрили жадными глазами и исчезли до следующего представления, не оправдав стадного инстинкта, зато его оправдали люди. И побратимы людей, животные, уступали свою очередь за прививками младенцам от жадности за билет на представление.

Аю-Даг сошел с круга времени, вернувшись на 150 мил-

лионов лет назад, и закурился над горой, обещая веселую вечеринку в жерле вулкана. Поднялась магма из недр земли, но не прорвала поверхность и не вышла наружу, а застыла новым символом эпохи, предвещающим дождь, если над ним всплыло облако, напоминающее бегущую принцессу Лаванду от своего верного спутника, жениха Вайолетта.

Любовь сильнее всего ощущается в небе.

Этика Большого Плюшевого Зайца, сатирический рассказ—антиутопия из серии «Нравы БПЗ»

«Безрассудный человек построил дом на песке, и дом тот упал от дождей и ветров, и было падение его великое» (Мф.7:27). Люди погрязли в суете мира и уподобились человеку, построившему дом на песке. Предлагая перспективу небесного царства, Иисус предлагает переселиться в дом, стоящий на камне». (А.А.Гусейнов «Великие моралисты»).

Даже в самых великих переворотах социальных систем найти можно устоявшиеся пласты цивилизации, незыблемо процветающие в канавах прогресса, например, игры, а сами воплощения чаяний моральных уродов посчитать за игру в поддавки. Скушали одну пешку, нашли способ установить новый порядочек в бардачке — это одна ступень, за которой последуют еще десятки новых ступеней, и для овец неважно, куда их ведет овцебык по этим ступеням: вверх или

вниз, главное, не отставать от процессов. Так до дегенерации дошли весело с притопом и прихлопом, научились вытаптывать клумбы и поляны и частично восстанавливать порушенное, а то и просто реорганизовывать сорта и виды растений. Основной Мичурин—центр стоял буквально на руинах, и поверх руин построили зеркальные залы для прощаний с генсеками и прочими «секами». А Большой Плюшевый Заяц стал воплощением идеи абсурда, вводимого в рамки реальности.

— Вот вечно эти дети: увидят игрушку, так норовят в нее вставить батарейки, а ножницам потом выковыривать! — лежали Ножницы на столе мастера и ворчали. Мастер валялся под яблонькой и грыз спелый плод гнилыми зубами, вышибленными на баррикадах в попытке объяснить гениям идею прогресса, элементарную для овечьего блеяния перед публичными черепами.

Жара плавила всё вокруг, сплющивая людей, как восковых кукол, ломая постройки на песке и впитывая их вглубь земной коры. Все искали по городу БПЗ, а он банально заночевал в объятиях ларьковой дамы и поел в ее ларе все земляничное мороженое в глазури. Так бывает: заночуешь, и проклюнется аппетит ненароком: вот тут как раз и столовая ложка наготове, а внутри ложки написано: «Саня». Прочел БПЗ имя ларьковой супер-дамы, поел все мороженое, размялся слегка, жахнул «коки», — это мороженое со вкусом колы, и лег учить математику. Дама погладила его плюшевую руку,

на что он отреагировал мурчанием, а дама не знала, что плюшевые могут мурчать, и приложила его руку к своему сердцу, а там, как назло, грудь. Вот было радости! Дело в том, что БПЗ с детства оказался молочнолюбивым отпрыском, и неожиданно для себя нашел пальцами под плюшем плюшевую кнопку и подумал, что это продолжение хладокомбинаторного агрегата. Но ошибся и пошел путешествовать вокруг плюшевого земного шара.

Большой Плюшевый Заяц двигался своими громоздкими ногами по планете, делая значительные скачки, будто в него вставили сверхмощные батарейки, и в глаза ему вкрутили сверхмощные лампы переменного тока.

— Девушка, вы куда? За мной уже есть Лимонадный Джо, — едва БПЗ промолвил свою только что перепроверенную текстовую диаграмму, сотворенную из его скачков по улице в направлении банки холодных маринованных грибов, стоящей в холодильнике у тетушки Матильды в желтом плюшевом фартуке в ярко—синий колокольчик, готовящей праздник в честь шелковых каникул в лесу на травке. С травы, собственно, БПЗ уже соскочил, там было мало места, а стог сена кололся даже сквозь плюш. Пришлось поскакать к тетушке Матильде пожаловаться на негодяев, заваливших всю траву своими несносными туловищами в пирамидку и цветочек, а у Доброго Дяди Фени (ДДФ) туловище оказалось всё в синих кобрах, ползущих по рукам и ногам, по животу и шее. Это ему в Гарварде варвары сделали.

— Дядя Феня, вы где такую наколку сделали? — вежливо спросил БПЗ, протягивая ДДФ порно—журнал с цветными картинками.

— Спасибо, сынок! — не очень вежливо ответил ДДФ, отвернувшись на другой бок от сына и скрыв содержание страниц журнала от своего верного друга и товарища.

— Это тебе передала твоя длинная субстанция, отображенная на твоей коже, папа, — пытаясь завладеть вниманием отца, молвил печально БПЗ, и печаль выразила на его плюшевом лице такую жалкую смятую плюшевую подушечку, что самому Железному Бэтмену, рядышком прикорнувшему, тошно стало.

— Ты еще ему тут плач Ярославны устрой с песнями и плясками, как при выезде на Колыму отряду педагогического состава твоего учебного заведения. Большой ПЗ, а без гарема! — ошибся прицелом Лимонадный Джо (ЛД).

— Не гарема, а гармони, — поправил дяденьку БПЗ, выковыривая из носа какие—то засохшие пенки от мороженого, которое они вчера достали из цветного такого ларька, что мимо пройти оказалось нельзя. Взяли весь ларь и, поедая, чуть не отморозили все свои достоинства плюшевые, лимонадные и шелковые с металлическим отливом.

— Ты вчера сколько мороженого скушал, сынок? — спросил почти вежливо «папа», то есть, ДДФ, закрывая журнал и кладя его под голову, чтоб лучше стало видно сынка. —

Ничего не отморозил себе и товарищам? А то, говорят, подобное лечится подобным, — полезайте в ларек, там в холодильнике еще остался сладкий холод, клубничный в шоколаде.

— Да ты что??? — заорал на весь лес БПЗ, да так, что ему на голову в этот миг свалилось кукушиное гнездо, разбив о его голову все яйца. Даже уши не помогли, не самортизировали.

Большой Плюшевый Заяц стоял перед Добрым Дядей Феней посреди леса и горько плакал:

— Папа, долго я так буду стоять облитым какими—то кукушиными желтками и белками неизвестного происхождения. Они могли стать моими братишками и сестренками, если б их мать—кукушка не бросила одних посреди леса в гнезде на какой—то фиговенькой лиственнице! Подари маме мое фото, я приготовил репродукцию «Кролик» Дюрера, он там лапки ровно держит, скажи, что я хороший и послушный! К маме хочу! — зашелся в вопле БПЗ.

ДДФ отвернулся, вынув из—под затылка порно—журнал про ощипанных куриц и гусынь в День Благодарения, и ответил, зевая:

— Сейчас подбегут наложницы моего гарема и замашут на тебя своими веерами из слоновой кости.

— Ты издеваешься, папа?! — еще громче завопил, по—честному, маленький, худенький с синевой, такой весь будто попиннатый местами в футболянке, БПЗ, — они меня убьют

своими слоновьими костями! Я боюсь!

ДДФ внимательно посмотрел на сына и вымолвил коронную фразу, после которой слезы глубоко застряли у БПЗ в горлышке и навсегда покинули его плюшевую местами голову, другими местами что—то похожее на кукушиное гнездо:

— Ты сейчас повторишь из курса за прошедший год Право, законы, мораль как систему общественных стандартов, идеалов и ценностей, традиции и обычаи своего народа, и нравственность как степень усвоения правил.

Мимо пролетал железный орел и немного отбавил из своего железного желудка консервов с кем—то не очень съедобным. Банки послушно выстраивались в полёте и отважно ложились строем на песок перед Добрым Дядей Феней, почти прикладывая к железным козырькам свои крылобесподобные руки.

— Этично и совсем не больно, — прокомментировал факт БПЗ, мягко почесав свое ушко, свисшее до плюшевого плечика без погон.

БПЗ стоял, убитый строгостью папы, вычерчивая перед собой правой ножкой с когтиками полоску в виде серпа.

— А ты еще нарисуй ногой своей молот! — все еще раздраженным голосом ласково и даже заискивающе посоветовал ДДФ.

— Простите, Господин Ректор, — заткнулся ушками БПЗ и больше уже ничего не отвечал и не разговаривал совсем,

а вынул свой плюшевый учебник и грустно повторял уроки, в каникулы, поискивая маленькую карамельку в нагрудном кармане своей рубашечки с короткими рукавами в дурацкую клеточку.

Солнце стояло прямо над головой БПЗ, будто смеясь над его п*о*том, впитавшимся в плюшевый подшерсток.

— Папа, почему работа начинается и сразу заканчивается? Здесь так написано, — спросил БПЗ отца. — Вот смотри, упрямо по тексту: «Работа начинается и завершается теоретическими очерками о природе морали и ее роли в современном мире». Это я прочел в аннотации к книге Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова «Великие моралисты».

— Кого ты читаешь, милый? Все моралисты — это «Сказки венского леса»! — очки на носу ДДФ перепрыгнули ниже, и упали вовсе на порно—журнал про общипанных куриц и полный гарем гусынь в День Благодарения, которых начал откармливать перед забоем, держа крепко швайку на плече, заезжий молодец со Змием Горыновичем в практическом медцентре «Юный хирург» для подростков.

В такой центр стремилась мама БПЗ, прямо из редакции любимого папиного порно-журнала, но по ошибке ее перевели в клинику эстетической медицины для пересадки крокодильей кожи прямо на человечью для лучшего впитывания антипригарных кремов для загара.

БПЗ перевел свой сосредоточенный взгляд с ДДФ на до-

вольно далеко стоящий от лужайки деревенский домик, а интересным свойством зрения у БПЗ оказалось, что оно способно увеличиваться и уменьшаться, в зависимости от необходимости. Даже бинокль не надо! На подоконнике избушки стоял кот и уплетал лаванду. Похоже, что в доме кроме кота никого не было, но в огороде копала червей для рыбалки справная тетушка. Это была тетушка Матильда, к которой и мечтал попасть на именины сердца и желудка БПЗ. Это как раз у нее в массивном холодильнике, напоминающем великолепную, сверкающую на холодном высоком солнце гору, стоял на верхней полке подарок ЛД, — огромная банка соленых грибов с невероятной ноткой маринада, от которого БПЗайцу становилось так хорошо! Уши по ветру, ирокез по затылку и спинке сразу выстраивался сам собой, вспоминая, как Лимонадный Джо усладил его лимонадом, втирая его в плюш в прошлые каникулы.

В целом, каникулы у БПЗ удавались неплохие: он уже выучил всё Право, даже Римское, пересдал его господину ректору, как стал звать он отца, а Добрый Дядя Феня только лыбился от уха до уха, читая свой порно—журнал подробно, по главам и континентам. Каждый раздел журнала был уподоблен континенту, и картинки вставлялись пазлами.

Надо было срочно ретироваться, пока ДДФ не сделал из него пазл, как из Железного Бэтмена. Тот загорал в полной отключке, в мечтах плывя к берегу с изящными девушками с подносами в длинных красивых руках. Улыбки этих девушек

БПЗ видел в кино на плюшевом канале в передаче «Улыбнись дождику», в рекламе которой с неба сыпался дождь из монет, карт, банкнотов и раскрытых кошельков, из которых тоже валом валились деньги.

Громкими скачками БПЗ добрался до тетушки Матильды в ее парчовом домике среди шелковой лужайки. И блаженство снизошло до нашего каникуляра, когда уплетая холодные грибы прямо из банки, он пожаловался Матильде, что сожалеет, что его голова в банку не влезает, — так нравились ему хитрые грибочки. Что случилось далее, трудно не предугадать, обладая крепкой головой с хорошей памятью. БПЗ уснул блаженным сном прямо на кухне, свалившись в обнимку с банкой под удобный стол-раскладушку, где тетушка Матильда всегда стелила ему детскую кроватку с балдахином, падающим иногда на балду, но редко. Если только на стол внезапно упадут, резко садясь, двоюродный братик БПЗ вместе с озорной подружкой, наведывающиеся не регулярно, но по конкретному делу: за вареньем, виновато смотря сиреневыми глазами на тетушку.

Хорошо, что дом стоял не на песке.

Несмотря на то, что БПЗ был пофигист, и в знак своего пофигизма носил сиреневые подштаники, не на всё плевало его плюшевое высочество. Он с радостью выступал на канале «Убей красотой» с ценными рекомендациями по подготовке каникуляров к предстоящему учебному году, хотя лето лишь

только началось, и самое интересное было еще впереди.

Итак, подводя итоги лета на канале «Убей красотой», наш ценный кадр БПЗ пролепетал на весь мир о своей любви к мороженому пломбиру, холодным грибам и конечно, к своей учительнице. Учительница в прошлом году тоже ставила ему оценку «пять» вверх тормашками в его тактильный дневник наблюдений погоды, называла «отличником», хотя он ничего не сдал, перепутав математику и русский. БПЗ на пересдаче умело перемножал буквы и уплетал плюшевый торт, испеченный для него тетушкой Матильдой, чтобы он угостил учительницу, но ей досталась большая вишенка с торта и под ней — плюшевый кусочек на огромный plate (плэйт) такой, из набора из двух тарелок со свечами и пиротехникой.

Это БПЗ посоветовал Железный Бэтмен купить такой набор для угощений. Там были еще вилки и ножи, по два предмета, но БПЗ подумал: «Зачем учительнице нож? И тем более вилка? Убьет, не приведи Господь, за отличную учебу вверх ногами, как отметки».

И быстренько выбросил всё лишнее в портфель соседа по парте, впереди него сидящего и свой противный портфель из крокодиловой шкуры ставящего себе за спину, а БПЗ вдыхал запах крокодильих слез и расчувствовался, так что подумал ему в

портфель сунуть два ножа и две ненужные вилки, — решил руками поесть, это полезно. На руках много витаминов

из детского набора «Юный химик», а БПЗ регулярно здоровался с учительницей за руку, хлопая ее поднятую кверху навстречу ему ладонь. Из набора «Юный медик» БПЗаяц обычно мастерил снотворное для своей плюшевой бабушки (родителям тоже перепадало). Это чтобы БПбабушка не храпела во сне, а… сейчас что-то будет!... БПЗ добрался до хрестоматии по литературе и инсценировал с БПБабушкой всё, что прочли его плюшевые сиреневые глаза

… и вставала, как Панночка и не летала по комнате на метле или в гробу, а спокойно пила чай на кухне и читала не дочитанный ДДФ порно—журнал с пазлами для умных родичей при свете волшебной свечи из набора «Юный электрик», иногда искрящей фейерверком с запахом оголенных проводов.

С этим набором у БПЗ произошел такой казус!

На уроке по электротехнике наш милый БПЗаяц включил в розетку свои уши вместо двух проводов, идущих от пластмассовой свечи с фитильком. Сразу заискрило и потухло всё вокруг. Заяц очнулся на носилках, за которыми бежала с его портфелем учительница и плакала навзрыд. Уши оказались в гипсе. Их порвало электроволной. И теперь он, может, останется жить здесь же, в этой плюшевой больничке, а учительница будет сильно скучать по нему и плакать бисером, который нельзя бросать перед свиньями, и даже после них. Бисер из набора «Сделай сам» для вышивания глазок рыбкам на подарочных салфетках для мамы в знак плюшевой благодар-

ности за счастливое детство с солнышком и развивающими наборами для подростков.

— Это же для девчонок! — завопил на весь класс БПЗ, когда ему на День рождения подарили этот никуда не годящийся набор, от которого он решил вовремя избавиться, пока его не начали называть «девчонкой» во дворе школы.

В школьном коридоре он встретил БПДевочку и, как полагается настоящему мужчине, учитывая как никогда динамику движения, дал ей по башке коробкой с бисером. Вокруг скопились свиньи и начали собирать бисер, ползая по всему коридору на своих скрюченных коленках, а БПЗ с БПДевочкой смеялись до звонка на следующий урок, смотря, как ползают эти свинюшки с хрюканьем в поисках бисера.

— Рожденный ползать, летать не может! — умно посверкивая плюшевыми очками, воскликнул БПЗ, чтобы произвести впечатление на Даму его плюшевого сердца, но БПДевочка, услышав звонок на урок, рванула почище этих свиней, бросив его одного, с собственным стадом. БПЗ с ужасом посмотрел ей вслед, нашел за дверью какую—то палку, и начал гонять ею свиней, чтоб резче искали его бисер и складывали в коробку «Сделай сам».

Так весело прошла перемена, и настал урок. Свиньи собрали весь бисер. Коробка была приготовлена для следующей перемены, но она никак не наступала.

Все это БПЗ рассказывал своей БПБабушке на кухне во время бессонницы, чтобы не писать стихи, но всё равно на-

писал:

Папа читает порно—журнал.
Я его в теплом гробу увидал.
Тепленький папа грел ледяной
Свежий обрубок Яги костяной.

Написав экспромт, БПЗ решил зачитать бабушке свои стихи из плюшевой тетрадки, но бабушка уже спала. Родителей будить не стал, а показал свои стихи учительнице в школе.

Настал миг несметной славы.

Учительница зачитала на педсовете его стихи, и по всей школе за БПЗ стали гоняться все учителя с просьбами поставить автограф.

Слава не испортила Зайца, наоборот, учителя же взамен на его автограф под записью директора РОНО о его согласии на перевод в школу вундеркиндов, ставили ему свои подписи рядом с прорисованными по всему дневнику на год вперед «пятерками» не вверх тормашками.

В другой школе оказалась иная этика и между учениками, и особая корпоративная этика в учительской. БПЗ оказался не в фаворе, хотя смотреть в упор и с удивлением считалось за наглость. Зато сам БПЗаяц с первых часов пребывания в не плюшевой школе решил из нее бежать семимильными скачками без батареек, лежащих в его кармане вместо карамелек и белоснежного носового платка, припасенных его родной, самой плюшевой на свете бабушкой—бэт-

меном с пятисоткой раздвижной на стрёме. Да—да, БПБабушка становилась бэтменом в борьбе за внука, прихватив логарифмическую линейку и кастрюлю плюшевых макарон по—флотски, набор шоколадок и пару банок абрикосового и персикового варенья, она отправилась выручать своего любимого «сыночка» из жестких когтей плоскодавов.

Плоскодавы оказались тихо и смирно приплюснутыми к стене дверью при входе в ее любимую не плюшевую учительскую, сразу становящуюся солнечной и бесконечно улыбчивой в мелкую бисерину пота на высоком лбу директора, ковыряющего ржавой вилкой в золотых коронках.

— Приветствую Вас, мадам! Расплылся в золотой улыбке директор, но мгновенно подскочила завуч и, запихивая выбившуюся на груди блузку из под строгого монашеского сарафана, забубнила речь о чистых носовых платках, стерильных столовых приборах в школьном кафе с хитроумной кассиршей и запахом перца с курицей, быстро приползшего паркетом, прижимаясь к плинтусам, и вежливо постучавшегося не куриным копытом в дверь учительской, так что весь монашеский орден во главе с зубастым директором, нечаянно проглотившим вилку от звука копыта по двери, встрепенулся и рванул в столовку с вывеской «Школьное кафе» с хитрыми тараканами под кассой, подсказывающими детям на уроках ответы на каверзные вопросы педагогов.

БПБабушка не стала так неприлично ломиться в двери и толкаться, как педагоги с директором, она тактично пропу-

стила их впереди себя. Сама же, изучив расписание уроков и номера кабинетов, спокойно вышла из этого колумбария с цветастой стенкой, обратив свое внимание на гордость школы. Это была стена плача родителей и учеников, где под клетками, прочерченными сикись—накись любимым компьютером директора с огромной вилкой в белом пластмассовом боку. С вилки свисали цветные жвачки, наклеенные секретаршей для памяти:

зеленая — идти за канцтоварами в ТЦ,

синяя — не ходить в столовую, там сегодня будут морить тараканов,

оранжевая — БПЗ забыл дома все учебники и сменную обувь, позвонить бабушке и сказать,

желтая — завтра прививки от желтухи, предупредить детей и родителей и взять согласие прабабушек и прадедушек на эти прививки,

розовая — полить цветы в учительской, уходя на выходные и синяя — составить расписание отпусков.

Здесь можно было отовариться бесплатной маской для лица. Косметической. БПБабушка вышла, слегка толкнув дверь логарифмической линейкой, исправив пару оценок в классном журнале напротив фамилии внука, и нажала кнопку размножения.

После этой незапланированной процедуры БПБабушка нашла класс внука и пришла к нему на урок, где БПЗ стоял у доски и выковыривал из нее стрелы Амура, — так называ-

лась жвачка для школьников, купленная в столовке «Школьное кафе» вместо обеда. Класс обрадовался бабушке, потому что он довел учительницу до истерики, и эта неплохая в целом девчонка с 3—го курса педунивера ревела в углу коридора перед Доской почета, проклиная себя за выбор пойти в школу на подработку между сессиями.

Бабушка с ловкостью дирижера оркестра плюшевых инструментов организовала сиесту и накормила детей вареньем и шоколадом. Под чаёк ушли и шоколадки и варенье, и воцарился мир всем душам и покой всем, даже спортсменам, в сладких снах

прыгающих на лыжах с трамплина за медаль. Так закончен был школьный день с бабушкой.

Наутро оказалось, что вся шерсть у БПЗ склеилась от варенья, и пришлось его оттирать, но он не оттирался. Тогда бабушка заговорчески прошептала в длинное ухо внука:

— До настоящего утра еще три часа. Я решила тебя постирать в машине.

Молча, будто идя на казнь через повешение или на собственную плюшевую гильотину, БПЗ, развесив уши по бокам, что с ним никогда ранее не происходило, пришел на постирку, предварительно чуточку побрыкавшись для приличия и ответив бабушке на ее предложение подарить учителю химии на юбилей букет цветов:

— Зачем химичке цветы, хватит ей цианистого калия!

Эти слова школьный вахтер вписал в журнал сбора

средств на пропитание аквариумных гуппёшек по цене свежего лосося с картофелем-дюшес в вип-кафе за школой, где обычно питались бухгалтера из офиса бывших советских математиков.

Ведомый на постирку перед школой, похож был БПЗ в этот момент на съеженную мочалку. Залезая в стиральную машину, как в бассейн, БПЗ тихо прощался с классом и школой и клялся себе, что в следующей жизни родится шелковой подушкой для втыканья серебряных иголок с маленькой петелькой в одном углу для того чтоб вешать подушку на гвоздик.

Очнулся БПЗ после стирки перед самыми каникулами. Солнце сияло во все окно, на лужайке паслась бабушка и рвала щавель, чтоб испечь сладкие пирожки со щавелем. Ноги, руки и все плюшевое непросохшее тело Зайца было неприподъемным от влаги, но БПЗ начал замечать, что солнце благотворно влияет на его шерсть и внутренности. С каждой минутой прибавлялось легкости и настроения.

Бабушка думала, что он все еще спит, но посапывало его просыхающее туловище, в котором расправлялись прорезиновые поры. На стуле рядом с кроваткой зайки висела его рубашечка в клеточку с короткими рукавами и нагрудным карманом для конфет и белоснежного носового платка с крохотным жирафом в углу. Сверху, рядом с воротником, оторвалась пуговица и, вставая, БПЗ наступил на нее, она хрустнула так громко, что услышала БПБабушка и заглянула в ком-

нату внука, где он уже наяривал на пианоле, поставленной прямо на кровать, подобрал песню майского жука и пел, настроив свой караоке—центр.

Бабушка принесла пироги и чай, поставила на стол возле компьютера на белую кружевную салфетку, и ласково улыбалась, подпевая БПЗ. Это была настоящая Большая Плюшевая Бабушка, для которой ее внук сочинил песню, нарисовал красивых цветных страшилищ, поел пироги и выпил всю кружку чая. Сначала решил закусить кружкой, как в таверне Лимонадный Джо стаканом от выпитого лимонада, но вместо этого звонко поставил кружку в коричневый кружочек на полосатое блюдце.

Тишина воцарилась в доме бабушки и внука. Только легкие комариные собратья жужелиц висели по обоям и ждали своего вампирского часа.

Неожиданно пришла молочница и завопила, что есть сил: «Молоко! Кефир! Сырки!»

БПЗ и его бабушка встрепенулись от идиллии просыхания внутренностей после стирки, и Заяц заказал «Сырки!», потому что ему понравилось это слово, им же в школе фотограф говорил «Сделаем Сыр». Слово «Сырки!» носило сырье для улыбки.

— Вот так ты научился тихо вести себя, — промолвила бабушка и неожиданно для себя увидела, что БПЗ названивает одноклассникам и о чем—то с ними договаривается.

БПЗ договаривался о фейерверке в школьном дворе в

честь наступивших каникул.

И снова настал день стирки.

Малыш вначале расстроился, потом добровольно просил прощения у БПБабушки, и нарисовал сентиментальную пьесу в комиксах. Вернулись родители, делово оборвали малину из теплицы в саду, и исчезли, даже не поинтересовавшись о сыне. БПЗ смотрел им вслед и не жалел ни о чем, в воздухе глазами наклеивая им на спины картинки из альбома самоклеящихся картинок. Позже ДДФ назвал этот распатроненный журнал «порнухой», потому что ни на одной странице не стало ни одной картинки, оставались только прозрачные контуры, голые страницы с белой бумагой между прозрачных контуров.

Фейерверк удался на славу, плюшевая поверхность Зайца, как положено, пестрела разноцветными точками с преобладанием темных пятен, почти как у коровы Буренки из мультика.

Мир и покой. Директора нет. Он мирно качается в гамаке над пропастью времени.

БПЗ посмотрел в зеркало и улыбнулся. Впереди было целое лето каникул!

БПЗ учится летать

В этот светлый и радостный день Большой Плюшевый Заяц заскочил не в лесную чащу, чтобы разлечься в цветах на

лужайке, размахивая вокруг себя веточкой серебристой ивы. Пути и тропы жизни привели плюшевого на спортплощадку, где его нездоровое стремление одержать верх над всеми жителями плюшевой страны разлохматило резиновую траву и взбило миксером битв за кубик с цифрой «один» однозначную атмосферу неконтактного боя.

Рядом сдавали кросс его друзья по ск*а*чкам, кузнечики и саранча, немного поодаль гнило болото с торчащими из него пустыми бутылками, там булькало и квакало, так же соревнуясь, - в громкости. Здесь жабы не просто гуляли, а занимались спортивной ходьбой, по этой причине от сырости полз, убегая, плюшевый мох вверх от косогора до необозримых пределов, и БПЗ решил узнать эти пределы после отдыха.

Высоко в ветвях сосен имитировала спортзал подруга БПЗ белка, слегка нарушая царящую вокруг атмосферу завороженного ожидания, будто вот-вот свершится чудо, нужно только в него верить. Тонкое марево меняло краски, чередуясь малиновым, голубым, желтым и зеленым. Далеко в деревне орали петухи и ржали кони. Тонкое веретено отматывало паутину по зарослям репейника, и большой серый паук настороженно наблюдал за движениями БПЗ в свой огромный бинокль, соблюдая торжественность момента воцарения атмосферы леса вокруг. Это все так, потому как летом положено стремиться в лес. Подальше от диких людей. В отчаянной гребле по финансовым рекам, морям и океанам, произошедшем от ручейка с нимфами, стремились товари-

щи БПЗ отведать запрещенных жидкостей, но повсюду натыкались на кружевные заборы утонченной ковки. И снова неконтактное каратэ спасало от противника, коим были они сами, превзошедшие в бульканье горловое пение нанайцев.

Стремление БПЗайца к спорту появилось вследствие разглядывания соседа, перекладывающего из одной своей машины в другую свою машину круг для плавания, шампуры, всякую всякость, когда сам этот сосед раздел и разул всех престарелых преплюшевых медведей Отчизны, не дострелявшей из берданок таких хапучих и загребучих ловкачей. Преуспевали в слаломе загребущие, их поведение на дорогучих лыжах в горных подземках вело в подвальные жути, откуда едва выбравшись, соседи Отчизны по привычке снова потянулись по беговым дорожкам хлебать счастья там, где недохлебали.

По бегущим кочкам текли ящерицы, их юркие тельца сверкали изумрудами и яхонтами, успевая привлечь внимание БПЗ до того, как он задремлет, и есть большая вероятность, что сон навеет ему новые мысли о мироздании.

Мох процветал, болото взбулькивало, и нездоровая пена окаймляла вросшие в тину пузыри, всхрюкивающие от брожения плесневелых грибков. Туда, где мельтешит мошкара, вряд ли зайдет любовь. Но любовь зашла и обосновалась: расплела косы березок, ив, промыла мелким коротким дождичком листву, и просияла великолепием июля в лисохвостах, очаровывая и припудривая красноту шиповных цвети-

ков, вздрагивающих и трепещущих от легкого ветерка зефира.

БПЗ явно влюбился. Плюшевое сердце стучало ходиками летающих маятников лесных стрижей, вздрагивало от шевеления в подорожной листве гадюк с ярко-желтыми двойными пятнами на головах, юрко будоражащих местную флору и фауну стрелами целенаправленных движений. Так легко и ясно складывались яркие зонтики судьбы.

Флора и фауна привлекала множество плюшевоцветных, в мечтаниях о дорогах, трассах и машинах рождающих то мишек, то заек Отчизны, мишки шли на картинки для конфет, а зайки – на рекламу автомобилей. Плюшевоцветной оказалась и Оливия, эльф, и спасенный ею БПЗ решил навестить ее поляну, где она танцевала со стрекозами, вплетая в воздухе маленьких зайчиков и мишек. Мечта БПЗ не сбылась, он смог только полюбоваться на Оливию, как вдруг на поляне показалась БПЗайка в роли лесной нимфы, опыляющая цвет плюшевой пудрой, охотно ложащейся на мозги обитателям всего лесного великолепия.

После продуктивного общения у двух плюшевых Зайца и Зайки, являя собой сверхскоростной монтаж, прямо на машине выезжая из лона матери, родился Заяц-Бэтмен, радостно меняя колеса на повороте от родильного кресла до постели матери БПЗайки, но БПЗ вспоминал Оливию. Она грезилась ему в кругу стрекозок, такая милая и славно сложенная, какой никогда не станет БПЗайка, рожденная белой и

пушистой, размером с доброго мамонта, хорошая такая доярочка, активная и веселая, своим оптимизмом заражающая и лошадей ржанием, не то что людей и зайцев с мишками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.